

На правах рукописи

Маркарян Сюзан Аветиковна

**МОТИВЫ КАК ОСНОВАНИЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ
(проблемы конструирования квалифицирующих признаков)**

12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Махачкала – 2012

Диссертация выполнена на кафедре уголовного права
Государственного образовательного учреждения высшего профессионального
образования «Российская академия правосудия»

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор
Пудовочкин Юрий Евгеньевич

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, доцент
Букалерева Людмила Александровна

кандидат юридических наук, доцент
Ображиев Константин Викторович

Ведущая организация: Всероссийский научно-исследовательский
институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации

Защита состоится 21 февраля 2012 года в 16.00 часов на заседании
Диссертационного совета Д 212.053.07 при Федеральном государственном
бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального
образования «Дагестанский государственный университет» по адресу:
г. Махачкала, ул. Коркмасова, 8, ауд. 85.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке
Дагестанского государственного университета.

Автореферат разослан «__» _____ 2012 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат юридических наук, доцент

Азизова В.Т.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Одним из приоритетных направлений современной российской уголовной политики, от качества реализации которого во многом зависит эффективность уголовного закона и практики его применения, является дифференциация уголовной ответственности за преступления против личности. Она проводится на основании различных факторов, характеризующих преступление и личность виновного. Из них особого внимания заслуживают мотивы преступного посягательства. Они положены в основу конструирования наиболее типичных и распространенных на практике квалифицирующих признаков: совершение преступления из корыстных или хулиганских побуждений, по мотиву кровной мести, политической, идеологической, национальной, расовой или религиозной ненависти или вражды, ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Практика применения уголовного закона свидетельствует о том, что оценка содержания данных квалифицирующих признаков и квалификация преступлений против личности на основании мотивов посягательства вызывает значительные трудности, обусловленные неточностями законодательных формулировок, нарушением принципа системности в дифференциации уголовной ответственности, недостаточной социальной и криминологической обоснованностью использования мотивов в качестве основания дифференциации ответственности.

Решение этих проблем, необходимое для оптимизации системы уголовно-правовой охраны личности, предполагает активизацию научных исследований и дальнейшее развитие теории дифференциации уголовной ответственности. Однако в настоящее время многие значимые проблемы теории и практики использования мотивов при дифференциации уголовной ответственности не находят своего освещения в уголовно-правовой литературе. В отечественной науке имеется определенный пробел в части изучения вопросов социальной обусловленности учета мотивов преступления при дифференциации уголовной

ответственности; оснований дифференциации уголовной ответственности в зависимости от мотивов совершения преступлений; критериев, которым должен соответствовать мотив преступления, для того чтобы использовать его при дифференциации уголовной ответственности и др.

В этой связи проведение исследования, посвященного теоретико-прикладному анализу проблем дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности в зависимости от мотивов их совершения, представляется оправданным и актуальным.

Степень научной разработанности темы исследования. Проблемы дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности на основании мотивов их совершения в современной науке еще не были предметом самостоятельного научного анализа. Имеющиеся в уголовно-правовой литературе публикации, посвященные мотивам преступления, в основном ограничиваются анализом их социально-психологического и уголовно-правового содержания (С.В. Векленко, Б.С. Волков, П.С. Дагель, С.В. Складов, А.И. Рарог, И.Г. Филановский и др.). А работы, посвященные проблемам дифференциации уголовной ответственности (З.А. Астемиров, А.В. Бриллиантов, С.Г. Келина, Л.Л. Кругликов, Т.А. Лесниевски-Костарева, Э.Л. Сидоренко и др.), не в полной мере учитывают особенности конструирования квалифицирующих признаков на основании мотива преступлений против личности.

Заявленная тема исследования частично освещена в работах О.С. Капинус, А.В. Наумова, Т.А. Плаксиной. Однако сочинения указанных авторов ограничены анализом проблем дифференциации ответственности лишь за убийство и не охватывают всего комплекса вопросов социальной обусловленности, оснований и критериев учета мотивов преступных деяний при дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности.

Таким образом, степень научной разработанности проблемы нельзя признать достаточной, что служит дополнительным фактором, актуализирующим выбор темы исследования.

Целью диссертационного исследования является получение нового научного знания о мотивах совершения преступлений против личности как об основаниях дифференциации уголовной ответственности и разработка на его основе путей совершенствования практики законодательного конструирования и применения квалифицирующих признаков преступлений против личности, выделенных в зависимости от мотивов их совершения.

Необходимость достижения указанной цели обусловила постановку и решение следующих **основных задач**:

- исследование сущности, оснований и средств дифференциации уголовной ответственности;
- анализ оснований и критериев учета мотива преступления при дифференциации уголовной ответственности;
- исследование уголовно-правового содержания наиболее распространенных мотивов преступлений против личности;
- разрешение дискуссионных вопросов применения квалифицирующих признаков преступлений против личности, выделенных в зависимости от мотивов их совершения;
- выявление законодательных просчетов, допущенных при дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности в зависимости от мотивов их совершения, и разработка предложений по устранению.

Объектом диссертационного исследования выступают урегулированные нормами уголовного права общественные отношения, возникающие в процессе дифференциации ответственности за преступления против личности.

Предметом диссертационного исследования выступают мотивы преступлений против личности как основание дифференциации уголовной ответственности и квалифицирующие признаки как средство такой

дифференциации.

В качестве **нормативных источников диссертационного исследования** выступают Конституция РФ, УК РФ, УПК РФ, иные федеральные законы (в частности, Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»).

Эмпирическая база диссертации представлена: данными, полученными в процессе изучения материалов 190 уголовных дел, среди которых 80 уголовных дел об убийствах (ст. 105 УК РФ), 60 уголовных дел об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ), 50 уголовных дел об умышленном причинении средней тяжести вреда (ст. 112 УК РФ), рассмотренных судами Краснодарского и Ставропольского краев за период с 2003 по 2009 годы; результатами опроса 129 сотрудников правоохранительных органов Республики Адыгеи, Краснодарского и Ставропольского краев; результатами анализа и обобщения опубликованной практики Верховного Суда РФ.

В качестве **теоретической основы диссертационного исследования** выступили основные положения отечественной доктрины уголовного права, прежде всего: учение об уголовной ответственности, развиваемое в работах З.А. Астемирова, Я.М. Брайнина, И.Э. Звечаровского, Н.С. Лейкиной, В.В. Мальцева, В.С. Прохорова, Ю.Е. Пудовочкина и др.; учение о вине, сложившееся в трудах Д.С. Котова, В.В. Лунеева, П.С. Дагеля, А.И. Рарога, В.В. Якушина и др.; учение о преступлениях против личности, сформированное в работах С.В. Бородина, А.Н. Красикова, Э.Ф. Побегайло, А.Н. Попова и др. В диссертации использованы также относящиеся к предмету исследования труды в области теории права, истории государства и права, философии права, юридической и общей психологии, социологии, филологии.

Методологической основой диссертационного исследования является общенаучный диалектический метод и системный подход к познанию социально-правовых явлений. В процессе исследования применялся ряд

частнонаучных методов: формально-логический, сравнительно-правовой, документальный, метод экспертного опроса.

Научная новизна исследования определяется результатами комплексного теоретико-прикладного анализа проблем дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности в зависимости от мотивов их совершения. В работе уточняются понятие дифференциации уголовной ответственности, ее сущность, цель и основания; разработана видовая классификация мотивов преступления в зависимости от направленности их влияния на степень общественной опасности содеянного и личности виновного; определены критерии, при наличии которых мотив преступления может использоваться при дифференциации уголовной ответственности; уточнено уголовно-правовое содержание мотивов, выступающих в качестве квалифицирующих признаков преступлений против личности; сформулированы научно обоснованные рекомендации по квалификации преступлений против личности в зависимости от мотивов их совершения; теоретически обоснованы перспективные направления законодательного совершенствования дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности в зависимости от мотивов их совершения. Совокупность полученных результатов может оцениваться в качестве нового, не отраженного до сегодняшнего дня в научной литературе, результата комплексного анализа проблем дифференциации уголовной ответственности за преступления на основании мотивов их совершения посредством квалифицирующих признаков.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Дифференциация уголовной ответственности – это осуществляемое с целью обеспечения справедливости уголовного закона установление законодателем различных объемов ограничений правового статуса для лиц, совершивших преступления, в зависимости от характера и типовой степени общественной опасности деяний, а также типовой характеристики личности виновного.

Дифференциация уголовной ответственности может осуществляться: а) посредством дифференциации наказания (установление специальных правил назначения наказания, особенностей наказания несовершеннолетних, повышенных (пониженных) санкций за преступления с квалифицированными (привилегированными) составами и др.); б) без дифференциации наказания (установление различных форм реализации уголовной ответственности, градация сроков погашения судимости и др.). Следуя логике соотношения понятий «уголовная ответственность» и «наказание», дифференциацию наказания необходимо считать составной частью дифференциации уголовной ответственности.

2. Мотив совершения преступления не может изменить характер его общественной опасности, однако способен существенно повлиять на степень общественной опасности деяния и на опасность личности виновного, что обуславливает необходимость учета мотива преступления при дифференциации уголовной ответственности. В зависимости от направленности такого влияния предлагается выделять мотивы преступления: а) повышающие степень общественной опасности содеянного и личности виновного (негативные мотивы); б) понижающие степень общественной опасности содеянного и личности виновного (позитивные мотивы); в) однозначно не влияющие на степень общественной опасности содеянного и личности виновного (нейтральные мотивы).

3. При дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности следует использовать только негативные и позитивные мотивы, которые:

а) существенным образом изменяют степень общественной опасности преступления и личности виновного;

б) имеют безусловную и очевидную направленность влияния на степень общественной опасности содеянного и личности виновного;

в) обладают известной распространенностью, являются типичным для преступлений соответствующего вида.

Только мотивы, отвечающие этим критериям, целесообразно учитывать для дифференциации уголовной ответственности посредством конструирования квалифицирующих (привилегирующих) признаков.

4. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья в зависимости от мотивов их совершения в действующем УК РФ осуществлена непоследовательно. В целях обеспечения единообразного подхода к конструированию квалифицирующих признаков преступлений против жизни и здоровья, выделенных на основании мотивов их совершения, предлагается:

а) признать совершение преступления из корыстных побуждений квалифицирующим признаком преступлений, предусмотренных ст.ст. 111, 112, 115-117, 120 УК РФ;

б) признать совершение преступления в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга квалифицирующим признаком преступлений, предусмотренных ст.ст. 115 и 116 УК РФ.

5. Конструирование санкций за преступления против личности с квалифицирующими признаками, выделенными на основании мотивов их совершения, в действующем УК РФ осуществляется произвольно и бессистемно. Учитывая, что влияние одного и того же мотива на размер санкций за различные преступления должно быть сопоставимым, предлагаем:

а) в санкции ч. 2 ст. 117 УК РФ понизить максимальный и минимальный сроки наказания в виде лишения свободы, установив его на срок до пяти лет;

б) снизить максимальный размер санкции ч. 2 ст. 119 УК РФ до трех лет лишения свободы.

6. Сфера использования мотивов при дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности, ограниченная преимущественно рамками главы 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья», нуждается в расширении. Установленные исследованием основания для более активного учета мотивов преступлений при дифференциации

уголовной ответственности за преступления против свободы, чести и достоинства личности, позволяют:

а) признать корыстные побуждения квалифицирующим признаком незаконного помещения в психиатрический стационар;

б) признать мотивы политической, идеологической, национальной, расовой или религиозной ненависти или вражды, ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы квалифицирующим признаком оскорбления.

7. Упущением существующей практики дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности на основании мотивов их совершения следует признать тот факт, что законодатель, конструируя соответствующие квалифицирующие признаки, не учитывает наличие позитивных мотивов, существенно понижающих степень общественной опасности деяния и личности виновного, в то время как для этого имеются все необходимые социально-криминологические и уголовно-политические основания. Соблюдение баланса в процессах дифференциации уголовной ответственности предполагает выделение в законе некоторых привилегированных составов преступлений против личности, в частности, состава убийства по мотиву сострадания.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его положения и выводы уточняют, развивают и дополняют такие сложившиеся в уголовно-правовой науке разделы, как: учение о вине, учение о преступлениях против личности, учение о дифференциации уголовной ответственности; тем самым диссертация должна способствовать развитию уголовно-правовой науки в целом. Результаты исследования, кроме того, создают теоретическую основу для дальнейшего совершенствования уголовно-правовых норм об ответственности за преступления против личности, обосновывая возможность внесения корректив в действующее уголовное законодательство.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее положения и выводы могут быть использованы для совершенствования уголовного

законодательства Российской Федерации; в правоприменительной деятельности при квалификации преступлений против личности; в научно-исследовательской работе при дальнейшей разработке проблем дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности; в учебном процессе при преподавании дисциплины «Уголовное право» и связанных с ней спецкурсов.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации отражены в 10 научных публикациях (в том числе 5 статей в изданиях, рекомендованных ВАК) и докладывались на научных и научно-практических конференциях и семинарах Краснодарского Университета МВД России. Результаты проведенного исследования внедрены в учебный процесс Новороссийского филиала Краснодарского университета МВД России и используются при преподавании дисциплины «Уголовное право»; а также в практику работы Майкопского городского суда Республики Адыгея.

Структура диссертации предопределена целями и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, объединяющих восемь параграфов, и заключения.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** раскрывается актуальность темы исследования, определяются его цели и задачи, объект и предмет, характеризуются методологическая, нормативная, теоретическая и эмпирическая основы, формулируются положения, выносимые на защиту, аргументируется их научная новизна, теоретическая и практическая значимость.

Первая глава **«Теоретические основы дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности в зависимости от мотивов их совершения»** состоит из двух параграфов.

В первом из них исследуются **понятие, основания и средства дифференциации уголовной ответственности**. Автор приходит к выводу, что суть дифференциации уголовной ответственности состоит в установлении

законодателем различных, дифференцированных в зависимости от тех или иных оснований, объемов ограничений правового статуса для лиц, совершивших преступления, т.е. изменение объема уголовной ответственности. В качестве оснований такой дифференциации выступают: 1) характер общественной опасности преступления; 2) типовая степень общественной опасности преступления; 3) типовая характеристика личности виновного. Целью дифференциации уголовной ответственности является обеспечение на законодательном уровне соразмерности между характером и типовой степенью общественной опасности преступления, а также типовой характеристикой личности виновного и мерами уголовно-правового характера, предусмотренными за совершение соответствующего преступного деяния, т.е. законодательная реализация принципа справедливости.

Рассматривая далее соотношение понятий «дифференциация уголовной ответственности» и «дифференциация наказания», автор утверждает, что они являются соподчиненными по объему (первое шире второго), и предлагает различать два вида дифференциации уголовной ответственности:

1. Дифференциация уголовной ответственности, осуществляющаяся посредством дифференциации наказания (установление специальных правил назначения наказания, особенностей наказания несовершеннолетних, повышенных (пониженных) санкций за преступления с квалифицированными (привилегированными) составами и др.). Подобная дифференциация уголовной ответственности, в конечном счете, сводится к установлению различных мер наказания для лиц, совершивших преступления.

2. Дифференциация уголовной ответственности, не сопряженная с дифференциацией наказания (установление различных форм реализации уголовной ответственности, установление различных сроков погашения судимости, дифференцированных в зависимости от вида назначенного наказания и категории тяжести совершенного лицом преступления (ч. 3 ст. 86 УК РФ), а также возраста осужденного (ст. 95 УК РФ) и др.). Такая

дифференциация уголовной ответственности непосредственно не влияет на меру наказания.

Во втором параграфе анализируются **основания и критерии учета мотивов преступлений при дифференциации уголовной ответственности**. Под мотивом преступления в диссертации понимается обусловленное теми или иными потребностями побуждение (осознанное или неосознанное), под влиянием которого лицо совершает умышленное преступление. Возможность учета мотивов преступлений при дифференциации уголовной ответственности обусловлена их способностью влиять как на степень общественной опасности личности виновного, так и на степень общественной опасности преступления (при этом в работе дается критическая оценка научной позиции, признающей влияние мотива на характер общественной опасности преступления).

В зависимости от направленности такого влияния предлагается выделять:

1. *Мотивы преступления, повышающие степень общественной опасности содеянного и личности виновного.* К ним относятся «низменные» или негативные мотивы преступлений. Несмотря на оценочный и исторически изменчивый характер представлений о степени общественной опасности преступления, детерминированного определенным мотивом, и личности виновного, им руководствовавшегося, представляется возможным выделить ряд мотивов преступлений, негативная оценка которых сохраняется на протяжении длительного времени и признается подавляющим большинством криминалистов: хулиганские мотивы, корысть, мотивы расовой, национальной или религиозной ненависти и др.

2. *Мотивы преступления, понижающие степень общественной опасности содеянного и личности виновного,* к которым относятся так называемые позитивные мотивы преступления (мотивы сострадания, патриотизма, альтруизма, защиты от общественно опасного посягательства, ложно понятые интересы службы). Идея о возможности выделения таких мотивов воспринимается рядом специалистов (А.И. Рарог, О.С. Капинус) критически. Однако социально одобряемый мотив, даже будучи положенным в

основу решения о совершении преступления, не утрачивает своей позитивной оценки, что не может не отражаться на степени общественной опасности содеянного и личности виновного.

3. *Мотивы преступления, однозначно не влияющие на степень общественной опасности преступного деяния и личности виновного (нейтральные мотивы).* К их числу следует отнести личную неприязнь, карьеризм, ревность и другие мотивы преступления, не вызывающие однозначного общественного осуждения либо одобрения.

Далее в работе определяются основные критерии, которым должен отвечать мотив преступления, чтобы использовать его для дифференциации уголовной ответственности. Во-первых, мотив должен существенным образом, значительно изменять степень общественной опасности преступления и (или) личности виновного. Следовательно, при дифференциации уголовной ответственности могут использоваться не все мотивы первой и второй группы, а только те, которые оказывают существенное, значительное влияние на степень общественной опасности преступного деяния и личности виновного. Во-вторых, мотив преступления, учитываемый при дифференциации уголовной ответственности, должен всегда, во всех случаях изменять степень общественной опасности содеянного и личности виновного. Изменение степени общественной опасности преступления и личности виновного при наличии соответствующего мотива преступления должно быть безусловным и однонаправленным. В-третьих, мотив преступления должен получить известную распространенность, быть достаточно типичным, но в то же время, нехарактерным для подавляющего большинства случаев совершения преступления соответствующего вида.

Поскольку мотивы, отвечающие этим критериям, находят свое проявление в совершенном преступлении, наиболее предпочтительным средством их учета при дифференциации уголовной ответственности является конструирование квалифицирующих (привилегирующих) признаков.

Вторая глава диссертации «Уголовно-правовая характеристика мотивов, выступающих в качестве квалифицирующих признаков преступлений против личности» состоит из четырех параграфов, последовательно раскрывающих содержание наиболее часто встречающихся мотивов.

1. *Мотив мести за выполнение потерпевшим служебной деятельности или общественного долга.* Основанием такой мести может послужить служебная деятельность не только должностных лиц или государственных служащих, но и служебная деятельность руководителей и сотрудников коммерческих организаций, а также лиц, находящихся в трудовых отношениях с индивидуальными предпринимателями. При этом явившаяся поводом для мести служебная деятельность должна быть правомерной. Под выполнением общественного долга понимается широкий круг правомерных общественно полезных действий, в который входят действия, как являющиеся обязанностью граждан, так и не относящиеся к ним.

2. *Мотив кровной мести.* Определяющим побуждением к совершению преступления из кровной мести является не столько сама месть, сколько стремление виновного соблюсти обычай кровной мести и тем самым завоевать авторитет, утвердиться, получить признание. В работе критически оценивается утвердившееся в науке мнение о том, что субъектом убийства, совершенного по мотиву кровной мести, может быть только лицо, принадлежащее к определенной национальной или этнической группе. Национальная и этническая принадлежность виновного сама по себе она не предопределяет его приверженность обычаю кровной мести.

3. *Корыстные побуждения.* Уточняя содержание этого мотива, диссертант полагает, что стремление виновного получить материальную выгоду для третьих лиц, не являющихся для него близкими, не является корыстным. Исходя из этого, корыстные побуждения определяются как стремление виновного извлечь материальную выгоду для себя или для других

лиц, в материальном благополучии которых он заинтересован, либо избавиться от материальных затрат посредством совершения преступления.

4. *Хулиганские побуждения.* Традиционно их содержание раскрывается путем указания на один «набор» побуждений – стремление путем совершения преступления бросить вызов обществу, открыто показать пренебрежение к нему и окружающим, продемонстрировать свою исключительность, силу, удаль, противопоставить свое поведение общепринятым нормам поведения. При всем разнообразии перечисленных побуждений их общим знаменателем является направленность на удовлетворение потребности виновного в самоутверждении, что позволяет говорить о единой психологической основе хулиганских мотивов. Исходя из этого, диссертант предлагает определить хулиганский мотив (хулиганские побуждения) как детерминированное потребностью к самоутверждению стремление путем совершения преступления бросить вызов обществу, открыто показать пренебрежение к нему и окружающим, продемонстрировать свою исключительность, силу, удаль, противопоставить свое поведение общепринятым нормам поведения. Поскольку в основе хулиганских побуждений лежит, как правило, неосознанная потребность в самоутверждении, для их воплощения в преступных действиях нередко достаточно малейшего повода (отказа дать закурить, замечания о недостойном поведении, «косого» взгляда).

Основной причиной правоприменительных ошибок, связанных с неправильным пониманием хулиганских побуждений и применением соответствующего квалифицирующего признака, является сложность отграничения хулиганских побуждений от иных мотивов преступлений. В этой связи в работе формулируются следующие рекомендации:

- При разграничении хулиганских побуждений и мотива мести следует учитывать, какие именно действия потерпевшего послужили поводом для совершения преступления и как они были восприняты виновным. Если действия потерпевшего выступали лишь в качестве предлога для преступного

посягательства, то содеянное необходимо квалифицировать как преступление, совершенное из хулиганских побуждений.

- При отграничении преступлений, совершенных из хулиганских побуждений, от преступлений, побудительной причиной которых является ревность, необходимо учитывать, что если ревность выступает исключительно в качестве повода совершения преступления, а доминирующим мотивом действий виновного является стремление бросить вызов обществу, открыто показать пренебрежение к нему и окружающим, продемонстрировать свою исключительность, силу, удаль, противопоставить свое поведение общепринятым нормам поведения, то содеянное следует квалифицировать как преступление, совершенное из хулиганских побуждений. Если же субъективной причиной совершения преступления явились сомнения в верности потерпевшего, то мотивом содеянного следует признать ревность, вне зависимости от обоснованности таких сомнений.

- При разграничении преступлений, совершенных в ходе ссоры или драки по хулиганским мотивам, и преступлений, совершенных в процессе ссоры или драки по иным мотивам, следует, прежде всего, учитывать повод для возникновения ссоры или драки и предшествующее поведение потерпевшего и виновного. Если лицо использовало для развязывания конфликта малозначительный повод или спровоцировало потерпевшего к конфликту, то это свидетельствует о наличии у виновного хулиганских побуждений. Если же зачинщиком ссоры или драки, в процессе которой было совершено преступление, явился сам потерпевший, а равно в тех случаях, когда конфликт был обусловлен его противоправными действиями, то хулиганские побуждения отсутствуют.

5. *Мотивы политической, идеологической, национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды, ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (экстремистские мотивы).* В работе доказывается, что вражда, в отличие от ненависти, представляет собой объективную категорию, поскольку обозначает не чувства и побуждения, а

конфликтные отношения и действия, определенное состояние конфликта. В этой связи вражда не может признаваться мотивом совершения преступления; она может лишь продуцировать ненависть, месть сторон враждующих сторон, которые и становятся мотивами преступлений. Исходя из этого, целесообразно отказаться от употребления слова «вражда» при описании мотивов преступления.

Анализируя мотивы национальной, расовой и религиозной ненависти, диссертант отмечает, что таковые представляют собой сильную неприязнь к представителям определенной (иной) нации, расы или религии, стремление путем применения насилия показать неполноценность какой-либо нации, расы, религии и (или) подчеркнуть превосходство, исключительность нации, расы или конфессии, к которым принадлежит виновный. При совершении преступления по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти побудительной причиной действий виновного является не личная неприязнь, направленная на конкретного потерпевшего (потерпевших), а ненависть к нему как к представителю иной нации, расы или религии.

Исследуя мотивы политической и идеологической ненависти и вражды, ненависти и вражды в отношении какой-либо социальной группы, автор включается в научную полемику о целесообразности и криминологической обоснованности их закрепления в законе и приходит к выводу, что решение законодателя в этой части оправданно.

Толкование мотива политической ненависти затрудняет полисемия термина «политика». Однако, учитывая тот факт, что в основе экстремистских мотивов преступлений лежит ненависть к потерпевшему из-за его принадлежности к той или иной группе, побудительной причиной преступлений, совершаемых из политической ненависти, также должна быть принадлежность к какой-либо группе, обособленной по политическому признаку. Такими группами являются политические партии, а также общественные организации или общественные движения, созываемые для их преобразования в политические партии (ст. 11 Федерального закона от 11 июля

2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях»). Исходя из этого, политическую ненависть как мотив преступления можно определить как сильную неприязнь к представителям какой-либо (иной) политической партии, общественной организации или общественного движения, побуждающую совершить в отношении них преступление.

При совершении преступления по мотиву идеологической ненависти побудительной причиной содеянного становится сильная неприязнь к неперсонифицированному кругу лиц, придерживающихся определенной (иной) системы взглядов и идей (например, пацифистские идеи, идеи антиглобализма, экологизма, национализма, антифашизма и др.).

Одним из наиболее дискуссионных является вопрос о толковании мотива ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, что связано с отсутствием четких критериев выделения социальных групп и их многообразием. При решении вопроса о том, ненависть к каким социальным группам можно признать экстремистским мотивом, следует учитывать принятую в социологии классификацию социальных групп на малые и большие. Поскольку характерным признаком экстремистских мотивов является обезличенная, неперсонифицированная ненависть, ненависть к малой социальной группе (например, к семье, компании друзей, творческому коллективу) нельзя признать экстремистским мотивом. Предметом ненависти как экстремистского мотива можно признать только большие устойчивые социальные группы. Такого рода устойчивые большие социальные группы могут быть выделены на основе общности профессии (например, сотрудники милиции, медработники), рода деятельности (например, сутенеры, проститутки, торговцы наркотиками), образа жизни (например, бомжи, наркоманы, алкоголики), интересов (например, болельщики какого-либо футбольного клуба), сексуальной ориентации (гетеросексуалы, гомосексуалисты), демографических признаков (престарелые лица, женщины, мужчины) и других критериев.

Третья глава диссертации «**Проблемы совершенствования дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности в зависимости от мотивов их совершения**» включает в себя два параграфа.

В первом параграфе рассматриваются **проблемы применения квалифицирующих признаков преступлений против личности, выделенных в зависимости от мотивов их совершения**. Одной из них является уголовно-правовая оценка преступного деяния, совершенного при наличии у виновного нескольких мотивов, каждый из которых признан квалифицирующим признаком преступления. Изучение судебной практики и материалов уголовных дел приводит автора к выводу о том, что в сочетании мотивов преступления только один из них имеет преобладающее, доминирующее значение, а остальные мотивы лишь дополняют основной мотив, укрепляя решимость совершить преступление. Следовательно, в основу квалификации полимотивированного преступления должен быть положен доминирующий мотив, отражающий сущность преступного деяния и направленность личности виновного.

Далее в диссертации рассматривается проблема квалификации преступления, совершенного в соучастии, при расхождении мотивов преступных действий соучастников. Отмечается, что расхождение мотивов может наблюдаться как в простом соучастии (у соисполнителей преступления), так и в сложном (при несовпадении мотивов исполнителя и иных соучастников преступления). При этом в зависимости от вида соучастия квалификация действий соучастников преступления, руководствовавшихся различными мотивами, различается.

Если расхождение мотивов наблюдается у соисполнителей преступления, то в основу квалификации действий каждого из них должен быть положен личный мотив преступления, вне зависимости от того, осознавали ли соисполнители мотивы действий друг друга.

При совершении преступления в сложном соучастии возможно несколько вариантов расхождения мотивов действий соучастников:

1. Исполнитель преступления руководствовался мотивом, выступающим в качестве квалифицирующего признака преступления, тогда как другой соучастник (организатор, подстрекатель, пособник) действовал из иных побуждений. Например, исполнитель убийства действовал из корыстных побуждений, а пособник – из личной неприязни к потерпевшему. В этой ситуации действия пособника следует квалифицировать как пособничество в убийстве из корыстных побуждений при условии, что он осознавал наличие корыстных побуждений у исполнителя. Если же соучастник преступления, не являющийся исполнителем (соисполнителем), не знал о мотиве действий исполнителя, то вменение ему соответствующего квалифицирующего признака исключается.

2. Мотивом, выполняющим функцию квалифицирующего признака, руководствовался соучастник, не являющийся исполнителем (соисполнителем), а исполнитель совершил преступление по иному мотиву, не учитываемому законодателем при дифференциации уголовной ответственности. Например, подстрекатель к убийству стремился избавиться от возврата долга потерпевшему, а исполнитель руководствовался личной неприязнью. Несмотря на то, что в приведенном примере действия подстрекателя детерминированы корыстными побуждениями, квалификация его действий по ч. 4 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ будет неверной. В формуле квалификации можно отразить только мотив преступления, в котором соучаствовало лицо, а не мотивы действий соучастника. Таким образом, в рассматриваемой ситуации мотивы действий соучастников, не являющихся исполнителем (соисполнителем) преступления, не влияют на квалификацию и учитываются только при назначении наказания.

Далее в работе анализируются **основные направления оптимизации дифференциации уголовной ответственности за преступления против**

личности в зависимости от мотивов их совершения. К числу таких направлений, по мнению диссертанта, необходимо отнести:

1. *Обеспечение системности квалифицирующих признаков, в основу конструирования которых положены мотивы преступления.* Сказанное, прежде всего, относится к мотивам преступлений против жизни и здоровья, выполняющим функцию квалифицирующих признаков. Несмотря на единство видового объекта указанных преступных деяний и их расположение в одной главе Особенной части УК РФ, перечень мотивов, отнесенных к числу квалифицирующих признаков преступлений против жизни и здоровья, существенно разнится. При дифференциации уголовной ответственности за убийство используется один «набор» мотивов, в качестве квалифицирующих признаков умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – второй, а в иных преступлениях против здоровья – третий, что позволяет констатировать бессистемность квалифицирующих признаков, выделенных в зависимости от мотивов преступлений.

В работе обращается внимание на бессистемность использования корыстных побуждений в качестве квалифицирующего признака преступлений против жизни и здоровья. Учитывая повышенную степень общественной опасности предусмотренных ст.ст. 111, 112, 115-117, 120 УК РФ преступлений, совершенных из корыстных побуждений, а также их достаточную распространенность, автор предлагает признать корыстные побуждения квалифицирующим признаком соответствующих преступных деяний.

Вызывает немало нареканий и бессистемность использования такого квалифицирующего признака преступлений против жизни и здоровья, как «совершение преступления в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга», в основу выделения которого положены цель воспрепятствования соответствующей деятельности либо мотив мести за ее осуществление. Диссертантом обосновывается необходимость включения указанного квалифицирующего признака в ч. 2 ст. 115 и ч. 2 ст. 116 УК РФ, что

позволит, во-первых, обеспечить системность используемых в главе 16 УК РФ квалифицирующих признаков; во-вторых, адекватно отразить повышенную общественную опасность умышленного причинения легкого вреда здоровью и побоев, совершенных в связи с осуществлением потерпевшим или его близкими служебной деятельности или выполнением общественного долга; в-третьих, осуществить «перевод» уголовных дел об указанных преступлениях в разряд дел публичного обвинения.

Нуждается в расширении и сфера использования такого квалифицирующего признака преступлений против жизни и здоровья как совершение преступления из хулиганских побуждений. В работе доказываем, что истязание, совершенное из хулиганских побуждений, обладает повышенной степенью общественной опасности, поскольку потерпевшим от такого преступления может стать любое лицо, случайно оказавшееся на пути у виновного и ничем не спровоцировавшее совершение преступления. А потому представляется необходимым включить в число квалифицирующих признаков истязания совершение этого преступления из хулиганских побуждений.

2. К числу основных направлений совершенствования дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности в зависимости от мотивов их совершения следует отнести *обеспечение системности и соразмерности санкций* за соответствующие квалифицированные виды преступлений. Как показал проведенный анализ, установление повышенных размеров санкций за преступления против личности, «отягощенных» квалифицирующими мотивами, нередко осуществляется произвольно, без какой бы то ни было системы, что особенно ярко проявляется применительно к санкциям за преступления против жизни и здоровья.

Влияние квалифицирующих мотивов на размеры санкций за конкретные преступления против жизни и здоровья весьма существенно различается. Так, например, санкции за наиболее общественно опасные преступления – убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенные по экстремистским мотивам (п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ),

повышены в 1,33 и 1,24 раза, т.е. на треть, а за сравнительно менее общественно опасные деяния – истязание и угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, совершенные по аналогичным мотивам (п. «з» ч. 2. ст. 117, ч. 2 ст. 119 УК РФ) – в 3,16 и 2,4 раза, то есть почти втрое.

Учитывая тот факт, что уголовно-правовые санкции представляют собой не простой «набор» наказаний, предусмотренных за совершение преступлений, а их систему, диссертант приходит к выводу, что влияние одного и того же мотива на размер санкций за различные преступления должно быть если не одинаковым, то, по крайней мере, сопоставимым. Исходя из этого, в целях обеспечения системности санкций за квалифицированные виды преступлений против жизни и здоровья, выделенные на основании мотивов их совершения, предлагается:

- в санкции ч. 2 ст. 117 УК РФ понизить максимальный и минимальный сроки наказания в виде лишения свободы, установив его на срок до пяти лет. В этом случае санкция ч. 2 ст. 117 УК РФ будет превышать санкцию ч. 1 ст. 117 УК РФ в 1,63, а не в 3,16 раза, как это имеет место в настоящее время;

- снизить максимальный размер санкции ч. 2 ст. 119 УК РФ до трех лет лишения свободы. В случае реализации этого предложения размер санкции ч. 2 ст. 119 УК РФ будет превышать размер санкции ч. 1 ст. 119 УК РФ в 1,46 раза.

3. В качестве самостоятельного направления оптимизации необходимо обозначить *расширение сферы дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности в зависимости от мотива их совершения*, которая не должна ограничиваться рамками главы 16 УК РФ. Согласно действующему уголовному законодательству, сфера использования мотивов преступления в качестве квалифицирующих признаков ограничивается преимущественно преступлениями против жизни и здоровья. Единственным исключением в этом плане является п. «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ (похищение человека, совершенное из корыстных побуждений). Между тем, отдельные мотивы преступления с успехом могут быть использованы и при дифференциации уголовной ответственности за некоторые иные преступления

против личности. В частности, в работе обосновывается предложение признать мотивы политической, идеологической, национальной, расовой или религиозной ненависти или вражды, ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы квалифицирующим признаком оскорбления, а корыстные побуждения – квалифицирующим признаком незаконного помещения в психиатрический стационар.

4. Важнейшим направлением совершенствования дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности в зависимости от мотивов их совершения является *использование мотивов преступлений для конструирования на их основе привилегированных составов преступлений против личности*. В настоящее время в преступлениях против личности мотивы их совершения выполняют функцию исключительно квалифицирующих признаков. Однако мотивы преступления способны не только повышать степень общественной опасности содеянного и личности виновного, но и уменьшать ее, причем весьма существенно, что необходимо учитывать при дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности путем выделения соответствующих привилегированных составов. Сказанное, прежде всего, относится к мотиву сострадания, который следовало бы использовать при дифференциации уголовной ответственности за убийство.

Выступая против легализации эвтаназии, диссертант, тем не менее, считает, что уголовную ответственность за убийство, совершенное по мотиву сострадания к неизлечимо больному, нельзя уравнивать с ответственностью за убийство без квалифицирующих признаков, поскольку мотив сострадания существенно понижает степень общественной опасности содеянного. В этой связи автор находит дополнительные аргументы в пользу высказанного в науке предложения о необходимости признания убийства, совершенного по мотиву сострадания к неизлечимо больному, привилегированным составом преступления, полагая, что для законодательной реализации этого предложения имеются все социально-криминологические основания.

В **заключении** подведены итоги проведенного исследования, сформулированы его основные положения и выводы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

*Публикации в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных
ВАК при Минобрнауке России:*

1. Маркарян С.А. Уголовно-правовая характеристика корыстного побуждения // Пробелы в российском законодательстве. 2010. №1. 0,2 п.л.
2. Маркарян С.А. Политическая, идеологическая ненависть или вражда, ненависть или вражда в отношении какой либо социальной группы как мотив преступлений против жизни и здоровья // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 4. 0,2 п.л.
3. Маркарян С.А. Значение субъективной стороны преступления в уголовном законодательстве РФ // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2008. №1. 0,1 п.л.
4. Маркарян С.А. Цель преступления и ее значение в законодательстве РФ // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2007. №5. 0,1 п.л.
5. Маркарян С.А. К вопросу об ошибке в оценке факультативных признаков субъективной стороны преступления // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2007. №1. 0,1 п.л.

Публикации в иных научных изданиях:

6. Маркарян С.А. Соотношение мотива и цели преступления // Научные труды ученых-юристов Северо-кавказского региона. Выпуск 9. 2005. 0,3п.л.
7. Маркарян С.А. Отличие эмоций от аффектов // Актуальные социальные и правовые проблемы развития транзитивного общества: Сб. материалов 3-й Всероссийской научной читательской конференции молодых ученых 15 октября 2004 г. Всероссийский научный журнал «Общество и право». Серия «Конференции». Краснодар, 2004. 0,1 п.л.
8. Маркарян С.А. Особенности субъективной стороны преступления в деяниях, направленных против здоровья человека // Криминологические

проблемы уголовного законодательства России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 18-20 октября 2003г. Краснодар, 2004. 0,1 п.л.

9. Маркарян С.А. Совершения убийства в состоянии аффекта // Актуальные социальные и правовые проблемы развития транзитивного общества: Сб. материалов 3-й Всероссийской научной читательской конференции молодых ученых 15 октября 2004г. Всероссийский научный журнал «Общество и право» Серия «Конференции». Краснодар, 2004. 0,2 п.л.
10. Маркарян С.А. Понятие субъективной стороны преступления // Россия на пути к правовому государству: Межвузовская научно-практическая конференция молодых ученых 4 октября 2002 г. Краснодар, 2003. 0,2 п.л.